

Олег Айрапетов

**Рец. на: Ю.А. Бахурин. Фронт и тыл Великой войны.
М.: Пятый Рим, 2019. 1133 с.**

*Oleg Airapetov
(Lomonosov Moscow State University, Russia)*

Rec. ad op.: Yu.A. Bakhurin. Front i tyl Velikoy voyny. Moscow, 2019

DOI: 10.31857/S2949124X23030197, EDN: ESRWCI

В отличие от многих работ, в которых плач о «неизвестной» или «забытой» войне густо перемешивается с хорошо известными фактами, книга Ю.А. Бахурин заслуживает того, чтобы её внимательно прочли. Достаточно отметить, что список используемых в ней источников и исследований занял почти 100 страниц. Автор изучил

материалы 80 фондов, хранящихся в 24 центральных, областных и республиканских архивах России, Белоруссии и США (с. 1031–1129). Текст построен по тематическому принципу, причём каждая из его 17 глав состоит из нескольких разделов (всего их 62) и завершается объёмным документальным приложением. Хронологически

одна из глав может заканчиваться Брестским миром или событиями начального периода Великой Отечественной войны, а следующая — освещать историю Новогеоргиевской крепости со времён Наполеона I до 1915 г. Всё вместе это напоминает скорее серию очерков, нежели единую монографию. Всё же русский «фронт и тыл» Первой мировой войны — две практически безграничные темы, и обращение к ним требует уточнения исследовательской задачи. Но в книге оно отсутствует. Автор попытался включить в неё самые разные сюжеты от производства сапог и боевых отравляющих веществ до использования на войне домашних животных и анализа биографий некоторых лиц. Однако при этом он прошёл мимо проблемы снабжения фронта артиллерией, ручным стрелковым оружием и боеприпасами.

Основную часть работы открывает детальный обзор легенд о столкновении между генералами А.В. Самсоновым и П.К. Ренненкампом на вокзале в Мукдене (с. 21–35). Бахурин основательно потрудился и убедительно показал, что «мифическая ссора генералов» (с. 32), которые то и дело лупят друг друга перчатками, кулаками и нагайками на страницах современных газет, журналов, художественных произведений и даже иных научных трудов, не имеет никакого отношения к действительности. Всё это верно, но как связан этот рассказ с остальными разделами, непонятно. Автор упоминает об этом эпизоде лишь в начале эмоциональной главы о Феврале 1917 г. (с. 777). То же самое можно сказать и про обросшее слухами и сказками «мясоедовское дело» и описание обстоятельства самоубийства начальника жандармского отделения в Вержболово полковника А.Д. Веденяпина (с. 35–42).

Затем внимание автора сосредотачивается на обеспечении армии

в походе питанием и, в частности, горячей пищей. Военно-полевые кухни, пекарни и т.п., конечно, имели чрезвычайно важное значение для поддержания боеспособности солдат, однако данный аспект историки, как правило, обходят стороной. Бахурин удачно закрывает эту лауну, и выясняется, что наладить правильное, т.е. бесперебойное снабжение войск продовольствием в 1914–1916 гг. так и не смогли, за исключением самого начала войны, которое везде было сытым и радостным даже для солдат (с. 51–58). При этом особо указывается на противоречия между заказами Военного министерства и Министерства земледелия (с. 61–63). Однако привлечение официальных отчётов центральных органов власти, безусловно, позволило бы существенно расширить исторический контекст и сделать картину более полной.

В среднем в пятилетие перед войной из России ежегодно вывозилось по 725 млн пудов хлеба, 4 млн пудов масла, 11 млн пудов сахара и 3300 млн яиц¹. В 1914 г. страна оказалась фактически в блокаде, внешняя торговля велась только через Архангельский и Владивостокский порты, на которые в 1913 г. приходилось лишь 3% грузооборота империи². Торговые связи с Германией оказались разорваны, а с Англией — крайне затруднены. Между тем на эти государства в 1913 г. приходилось 60% товарооборота России³. Правительство действовало на хлебном рынке неумело и приступило к централизованным закупкам только через несколько месяцев после мобилизации⁴.

В результате в феврале 1915 г. в МВД уже составляли список городов, где наблюдались проблемы со снабжением⁵. Поползли слухи о том, что русский хлеб окольными путями поставляется в Германию. 14(27) февраля главному начальнику Петроград-

ского военного округа даже пришлось отдать приказ, запрещавший газетам публиковать такого рода новости без доказательств⁶. С 3(16) февраля 1915 г. заседало совещание уполномоченных Главного управления землеустройства и земледелия по закупке хлебов. Его участники сразу же признали желательность реквизиций и установления твёрдых цен для пресечения спекуляции продовольствием⁷. 17 февраля (2 марта) 1915 г. главные начальники военных округов получили право устанавливать предельные цены на продовольствие и фураж, а в случае отказа от добровольных сделок — назначать реквизиции по особо установленным ценам. В результате к середине лета 1915 г. было реквизировано 225 тыс. пудов, тогда как добровольные закупки составили 141 820 тыс. пудов зерна. Это естественно отразилось на настроениях крестьян, которые, по выражению автора, «стали зажимать зерно» (с. 61–62). В городах участились перебои с хлебом⁸. Пытаясь хоть как-то восполнить нехватку рабочих рук в деревне, правительство разрешило отпускать военнопленных на сельскохозяйственные работы⁹.

В 1915 г., несмотря на то, что урожая 1914–1915 гг. выдалась не хуже предшествующих лет, а экспорт продовольствия значительно сократился, ожидаемого снижения цен не последовало. Наоборот, в первом полугодии 1915 г. пшеница подорожала на 15–30%, рожь — на 10–60%, а во втором полугодии — на 25–60% и 20–90% соответственно. Стоимость овса в связи с массовыми закупками на нужды армии выросла к началу 1915 г. вдвое. Министр земледелия гр. А.А. Бобринский ввёл фиксированные цены на основные предметы продовольствия. Если же владельцы отказывались продавать свой товар за эти деньги, представители правительства могли реквизировать продукты, уплачивая за них

ещё на 15% меньше, чем изначально предполагалось¹⁰.

Особое внимание при закупках хлеба уделялось Петрограду и промышленным центрам. Организацией их снабжения занимались органы самоуправления. 149 городов, 9 губернских и 27 уездных земств получили ссуды на 18,3 млн руб. и правительственные гарантии на 9,2 млн руб.¹¹ Однако к началу 1916 г. ситуация только ухудшилась, закупить удалось всего 176 387 тыс. пудов продовольствия и зерновых. Наряд по муке и мучным продуктам был выполнен на 58%, по фуражу — на 47%, по крупам — на 84%¹².

Урожай 1916 г. по всей Европе оказался скудным. Впрочем, по данным Статистического комитета МВД, рост запасов товарного хлеба с 1(14) июля по 1(14) сентября 1916 г. составил 15 589 704 пуда, а их общее количество по всей империи достигло 168 523 992 пуда (120 538 712 пудов — в Европейской России, 18 594 038 — на Кавказе, 29 391 242 — в Сибири и Средней Азии)¹³. К 1(14) октября запасы торгового хлеба, не считая уже закупленного для армии, увеличились на 8 661 581 пуд — до 174 185 573 пудов (142 616 127 пудов — в Европейской России, 12 895 596 — на Кавказе, 18 675 850 — в Сибири и Средней Азии)¹⁴. Между тем в армии и городах хлеба оставалось всё меньше (с. 71, 74). В августе–ноябре 1916 г. закупки зерна нового урожая составили лишь 102 млн пудов. Кроме того, имелись 85 млн пудов резерва Министерства земледелия¹⁵.

Исправлять ситуацию пришлось А.А. Риттиху¹⁶, возглавившему по рекомендации председателя Совета министров А.Ф. Трепова Министерство земледелия. К моменту его назначения количество хлеба в войсках исчислялось нормами, рассчитанными на несколько дней. Новый министр, заслу-

женно пользовавшийся репутацией энергичного человека и настоящего знатока своего дела¹⁷, прибег к экстраординарным мерам: «Все хлебные грузы, находившиеся в это время в вагонах, были экстренными маршрутными поездами отправлены на фронт. Для удовлетворения неотложных потребностей фронта были почти полностью использованы и те 85 миллионов пудов зерна, которые во время осенней навигации были вывезены на верховья и среднее течение Волги. Принятыми мерами удалось за две недели довести запасы фронтов до менее угрожающего состояния»¹⁸. Выход из кризиса Риттих видел в развёрстке 772,1 млн пудов хлеба по основным губерниям. При этом одну часть урожая полагалось сдавать по фиксированным ценам, а другая подлежала свободной продаже. Осуществление этих планов успешно анализируется автором на материале нескольких уездов Тамбовской, Вятской и Воронежской губерний (с. 76–78), хотя едва ли приведённых им примеров достаточно для вывода об успехе или неудаче политики Риттиха. Официальные данные свидетельствовали о том, что изменение норм оплаты немедленно дало результат — в декабре 1916 г. поставки составили 49 млн, в январе 1917 г. — 65 млн пудов. Прежде всего в это время выполнялись продовольственные наряды фронтов, что позволило к февралю 1917 г. создать там запасы на 18–30 дней. Однако наряды Москвы и Петрограда выполнялись на 10% и менее¹⁹. Так же, если не хуже, снабжались губернские центры (с. 79–80).

Состояние железных дорог лишь усугубляло трудности (с. 80–82). Значение транспорта для военной экономики России следовало бы, конечно, охарактеризовать, ссылаясь не на «историка П.В. Мультиули» (с. 80), а на документы государственных учреждений и должностных лиц, например,

на справку начальника военных сообщений в штабе верховного главнокомандующего генерал-лейтенанта С.А. Ронжина²⁰ или воспоминания его преемника генерал-лейтенанта М.Н. Тихменёва²¹. Не стоило игнорировать и специальные исследования²².

Источники официального происхождения, к сожалению, полностью отсутствуют и в главе, посвящённой реализации «сухого» закона, введённого после винных погромов во время проведения мобилизации. Между тем систематическое использование всеподданнейших отчётов министров внутренних дел и губернаторов дало бы автору немало полезной информации, которая могла бы существенно дополнить приведённые в книге свидетельства о том, что данная мера способствовала росту недовольства в России и сопровождалась множеством злоупотреблений (с. 130–134). Характерно, кстати, что как в великокняжеской, так и в царской Ставке водка, вино и коньяк подавались без ограничений (с. 112)²³. Пригодились бы ведомственные циркуляры и в разделе о проведении военно-конской повинности и мобилизации (с. 653–676)²⁴.

Оперируя, по его выражению, «скудной статистикой», Бахурин делает ценные наблюдения об обеспечении войск сапогами. На фронте они имелись примерно у 65% солдат, и часть резервов уже в 1915 г. приходилось снабжать лаптями (с. 153). Объяснялось же это не малочисленностью людей, занятых в скорняжном деле или в обувном производстве (с. 149), а дефицитом кож и дубильных веществ для их обработки. В мирное время они в большом количестве импортировались из Германии (с. 154–155), а в годы войны ввоз нескольких миллионов сапог и ботинок заметно обременял финансы, морской транспорт, скромные разгрузочные средства портов и железные дороги

(с. 161). В СССР, как отмечает автор, эту проблему удалось устранить благодаря налаженному производству кирзы (с. 175–176). Однако её изобрели в России ещё в 1903 г., а использовать для голенищ смогли только с 1939–1940 гг., когда овладели технологией изготовления искусственного каучука, что позволило резко увеличить выпуск прорезиненной ткани и собственно резиновой обуви. В 1913 г. в России произвели 40 млн пар резиновой обуви из импортного каучука, а в 1932 г. – 65 млн, в 1937 г. – 100 млн пар, причём три четверти потребностей в каучуке удовлетворялись синтетическим, и четверть – натуральным продуктом²⁵.

В отдельной главе рассмотрены «Суеверия, слухи и пропаганда» военных лет (с. 179–232). Традиционное сознание чутко реагировало на приметы и «знамения» (такие, как солнечное затмение), рассказы о чудесах неизменно производили сильное впечатление на слушателей, особенно в условиях неудач, нередких в 1914–1916 гг. На этом фоне раскручивалась «распутинская история», представленная в книге как череда скандалов, как правило, связанных с сомнительным моральным обликом близкого к царю «старца», которому приписывали политическое влияние и предрасположенность к сепаратному миру с Германией (с. 207–210). Кем и как формировался этот образ, необходимо ещё изучать, не забывая о том, какую роль в этом с 1912 г. играла пресса октябристов и кадетов.

Глава о русской авиации «Двуглавый орёл встаёт на крыло» (с. 235–278) весьма информативна, но в ней почему-то вовсе не говорится о становлении отечественного самолёто- и моторостроения, начинавшегося с лицензионного производства двигателя, приобретённого перед войной у французской фирмы «Gnome de Rhone», который значительно уступал

по мощности тому, чем в 1914–1916 гг. располагали противники и союзники России. В главе «Химия и смерть» (с. 281–330) раскрывается важная роль Химического комитета Главного артиллерийского управления, но, как ни странно, при этом не используется специальный очерк и воспоминания руководившего им генерал-майора В.Н. Ипатьева (с. 287)²⁶.

Бахурин выявляет немало проблем, которые ещё только предстоит изучить будущим поколениям историков. Среди них и точное определение размера потерь русской армии, масштабов членовредительства и дезертирства, времени возникновения братаний на фронте, значения крепостей и т.д. При этом, утверждая, будто Новогеоргиевск являлся «сильнейшей крепостью Старого света» (с. 651), автор, уделивший ей десятки страниц (с. 607–652), лишь один раз упомянул о количестве и качестве её фортификационных сооружений, не проанализировав ни их состояние, ни возможности находившейся на верках артиллерии, о которой можно судить лишь по перечислению трофеев, захваченных немцами. В целом, это всё же была уже устаревшая крепость с совершенно неподготовленным к обороне гарнизоном. В 1915 г. при отступлении из Царства Польского М.В. Алексеев констатировал: «Остался один Новогеоргиевск, лежащий от всего в стороне и ничего не прикрывающий и не останавливающий на себе внимание немцев: он ничему не грозит и их не беспокоит, а составляет в своём настоящем положении предмет моего беспокойства»²⁷.

Весьма обстоятельная глава «Великий исход» (с. 679–774), опирающаяся на солидный круг источников и литературы, раскрывает положение депортированных лиц и этнических групп, а также беженцев 1914–1915 гг. Правда, и тут использование данных

официальной статистики сделало бы картину более полной и позволило бы, к примеру, внести необходимые уточнения в рассказ о «массовых депортациях» еврейского населения (с. 691). При оценке масштабов их выселения (с. 696–697) не следует забывать, что число депортированных с той или иной территории не могло заметно превышать её довоенное иудейское население. Из Курляндской губ. нельзя было выслать 300 тыс. евреев (с. 699), поскольку там их проживало всего 57200. Депортации по приказу вел. кн. Николая Николаевича имели место, однако они не только не напоминали библейский Исход (с. 692), но и почти не изменили этнический состав местных жителей. Вполне убедительно выглядят приведённые в книге данные М.А. Михалёва и С.А. Пьянкова: общее число вынужденных переселенцев – 3 млн 113 тыс. человек, из них 1 млн 693 тыс. русских, 483 тыс. поляков, 277 тыс. латышей, 190 тыс. евреев, 133 тыс. немцев и т.д. (с. 704). Как всегда, больше всего страдали самые многочисленные категории беженцев и особенно те, кто не мог опереться на поддержку хорошо организованных национальных и религиозных общин в крупных городах.

Завершающая книгу глава «Несколько загадок заката Великой войны» (с. 777–876) посвящена событиям Февральской революции 1917 г. Бахурин отталкивается от «тайны святого переворота» (с. 777), пишет об Алексееве как о «конфликтном администраторе» (с. 782–783), но несколько упрощённо излагает мотивы его поведения и контакты с лидерами либералов и представителями генералитета. При детальном анализе событий в Петрограде не упомянута единственная специальная работа о гарнизоне столицы²⁸. Для лучшего их понимания следовало бы обратить внимание на требования военного законодатель-

ства, определявшего правовое положение нижних чинов императорской армии²⁹. Во всяком случае, это было бы содержательнее обсуждения версии, согласно которой император не отрекся от престола вовсе или отрекся незаконно, поскольку революция не предусматривалась Сводом законов (с. 806–820). А вот заговор генералов, все упоминания о котором автор книги неизменно берёт в кавычки, как раз стоило бы оценивать на основе действовавших тогда в Российской империи юридических норм.

Так или иначе, в феврале 1917 г. всё с самого начала пошло не так именно потому, что задуманный государственный переворот провалился и перешёл в революцию, что, кстати, не сразу заметили заговорщики – А.И. Гучков, П.Н. Милюков и др., являвшиеся влиятельными политиками только при наличии полиции, которую они разогнали, и Думы, забытой ими, несмотря на недавние призывы создать ответственное перед ней правительство, на следующий же день после свержения императора.

Странное впечатление производит раздел о пресловутом германском участии в захвате власти большевиками в октябре 1917 г. (с. 829–876). В нём разобраны популярные публикации некоторых современных скандалистов, вспоминать о которых в научном труде вообще излишне.

Впрочем, всё это не умаляет значения проделанной Ю.А. Бахуриным работы. Нельзя не отметить, что в своей книге он весьма удачно сравнивает положение дел в России и у её союзников и противников. Но его труд заметно бы выиграл, если бы вместо критики публикаций явно ненаучного характера автор несколько расширил бы источниковую базу, придал больше цельности собранным воедино очеркам и подвёл итоги своего исследования в заключении.

Примечания

¹ Всеподданнейший отчёт государственного контролёра за 1915 год. Пг., 1916. С. 102.

² *Кондратьев Н.Д.* Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1991. С. 107.

³ Всеподданнейший отчёт государственного контролёра за 1914 год. Пг., 1915. С. 73–74.

⁴ Всеподданнейший отчёт государственного контролёра за 1915 год. С. 8.

⁵ Административные известия. К борьбе с дороговизной предметов первой необходимости // Правительственный вестник. 1915. 6(19) февраля. № 29. С. 2.

⁶ Административные известия. Совещание по закупке хлеба для армии // Правительственный вестник. 1915. 14(28) февраля. № 37. С. 2.

⁷ Административные известия. Совещание по закупке хлеба для армии. // Правительственный вестник. 1915. 6(19) февраля. № 29. С. 2.

⁸ Всеподданнейший отчёт государственного контролёра за 1915 год. С. 8–9.

⁹ Административные известия. Отпуск военнопленных на сельскохозяйственные работы // Правительственный вестник. 1915. 8(21) февраля. № 31. С. 3.

¹⁰ Всеподданнейший отчёт государственного контролёра за 1915 год. С. 103–104.

¹¹ Там же. С. 105.

¹² Там же. С. 13.

¹³ Торговые запасы хлеба в Империи // Правительственный вестник. 1917. 3(16) января. № 2. С. 3.

¹⁴ Торговые запасы хлеба // Правительственный вестник. 1917. 1(14) февраля. № 26. С. 2.

¹⁵ Журналы Особого совещания по обороне государства. 1917 г. Ч. 2. М., 1978. С. 219, 223.

¹⁶ Падение царского режима. Стенографические отчёты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства / Под ред. П.Е. Щёголева. Т. 4. Л., 1925. С. 77.

¹⁷ *Барк П.Л.* Воспоминания // Возрождение (Париж). 1967. № 181. С. 80.

¹⁸ Журналы Особого совещания... Ч. 2. С. 220.

¹⁹ Там же. С. 223.

²⁰ *Ронжин С.А.* Военные сообщения и управление ими. Сборник записок, относящихся к русскому снабжению в Великую войну. [Вашингтон], 1925.

²¹ *Тихменёв Н.М.* Из воспоминаний о последних днях пребывания императора Николая II в Ставке. Ницца, 1925.

²² *Хейвуд Э.* Инженер революционной России. Юрий Владимирович Ломоносов (1876–1952) и железные дороги. М., 2013.

²³ *Шавельский Г.* Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Т. 1. М., 1996. С. 12; *Knox A.* With the Russian army 1914–1917. Vol. 1. L., 1921. P. 45.

²⁴ Сборник циркуляров Министерства внутренних дел по вопросам воинской, военноконской и военно-повозочной повинности. СПб., 1913.

²⁵ Ведомственные стандарты на обувь армейскую, флотскую и для начсостава. М.; Л., 1940. С. 9–11; Общая химическая технология. Т. 2. М.; Л., 1946. С. 362–363; *Глезер Г.М.* Кирза // Химия и жизнь. 2013. № 2. С. 10–11.

²⁶ *Ипатьев В.[Н.]* Работа химической промышленности на оборону во время войны. Пг., 1920; *Ипатьев В.Н.* Жизнь одного химика. Воспоминания. Т. 1–2. Нью-Йорк, 1945.

²⁷ ОР РГБ, ф. 855, к. 2, д. 8, л. 7.

²⁸ *Асташов А.Б.* Петроградский гарнизон накануне 1917 года: от повседневности прифронтового города к революции // Вестник Тверского государственного университета. 2017. № 1. При этом Бахурин учёл в книге 15 других статей и монографию Асташова.

²⁹ См., в частности: Устав о воинской повинности, дополненный позднейшими изменениями по 1 сентября 1912 г. (кодифицированное издание), с разъяснениями, извлечёнными из решений Правительствующего Сената, приказов по военному ведомству и циркуляров Главного штаба и Министерства внутренних дел. СПб., 1913; *Александрович Д.А.* Устав внутренней службы рядового, казака, канонира. Сборник избранных сведений из Устава внутренней службы, знание которых обязательно для каждого нижнего чина согласно высочайше утверждённому перечню. Киев, 1911; Общие сведения из уставов: внутренней службы и дисциплинарного. Пг., 1916.